

— Дедушка староста, а эти деньги — они от бригады? Отдавать их потом надо? — Гоудань не сводил глаз с зажатых в чужой руке мятых бумажек.

— А как же! — староста строго сдвинул брови. — Коллективное добро присваивать не смей. Это бригада взаимы выделила. Сперва дядька Ван Сюаня долг взял, а раз теперь малец у вас жить будет, так и должок на твою семью переходит. Вы теперь бригаде и должны.

— Ну так давайте их сюда.

— Чего?

— Деньги, говорю, давайте, — Гоудань упрямо протянул руку. — Раз долг наш, так мы его и забираем. А-Сюань ещё не поправился, ему потом и уколы ставить, и лекарства покупать. Коль взялись за доброе дело, так надо до ума доводить. Всё разом потом и отдадим.

Ли Сы испуганно дёрнул сына за рукав, призывая замолчать, но Гоудань лишь отмахнулся:

— Доктор велел ему яйца есть, чтобы на ноги встать! А долг я верну, честное слово, верну.

— Да за вашей семьёй и так старых долгов немерено! — сердито проворчал староста, и его усы смешно затопорщились.

— Знаю я всё, — не сдавался малец. — Всего-то пятнадцать килограммов зерна да три юаня. Добавьте к этому новые, потом со всем расплатимся. — И он снова требовательно выставил ладонь.

«Какая разница — три юаня долга за нами числится или десять? — рассуждал про себя Гоудань. — Если сейчас не перехватить у бригады, потом фиг выпросишь. Просить так просить, долгом больше, долгом меньше — один чёрт расплачиваться».

Он хоть и мал был, а соображал отлично. Староста спать спокойно не мог от страха, что они откажутся от А-Сюаня. После всего случившегося мальчишке в дом к дяде дороги не было.

Оставь они его на улице, старосте и всей деревне пришлось бы как-то крутиться: выделять сироте крохи зерна из общих запасов, чтобы не загнулся с голоду. Случись что, разлетится дурная слава по всей округе, мол, в Сикане сироту голодом уморили, и позор на всю жизнь.

Не зря ведь в народе говорят: «кормить всем миром». Нравится это кому или нет, богата деревня или бедна, а мать А-Сюаня была здешней, своей. Значит, и мальчишка для деревни не чужой, куском хлеба его бы всё равно не обделили, но выжить помогли бы. Чай, не в такие голодные времена живут, чтобы ребёнка до могилы довести.

А тут подвернулся Ли Сы, готовый взвалить эту обузу на себя. Настоящее спасение для старосты!

Гоудань и сам был рад, что А-Сюань будет жить у них, но упускать случай стрясти со старосты хоть какую-то выгоду он не собирался.

Забрав у старосты оставшиеся три юаня и семьдесят с лишним фэней, Гоудань протянул их отцу. У самого мальчишки карманов не водилось — старые штаны на его тощей заднице держались исключительно на честном слове и упрямстве.

Сперва он загорелся мыслью сбежать в снабженческо-сбытовой кооператив коммуны, прикупить для А-Сюаня яиц да сахара, но староста сразу обрубил: без талонов никто ничего не продаст. Гоудань лишь раздосадованно почесал затылок и притих.

На обратном пути Ли Сы сам взвалил А-Сюаня на спину. Раз уж приёмыш стал частью их семьи, негоже было перекладывать эту ношу на чужие плечи.

Глядя вслед уходящему Чэнь А-да, который даже не попытался возразить или удержать племянника, староста лишь тяжело вздохнул. Это была уже не просто бесхребетность, а леденящая душу чёрствость.

Ну и ладно. Чтобы в будущем избежать лишней волокиты, староста решил сразу по возвращении взять на себя хлопоты и переписать учётную карточку А-Сюаня, прописав его в доме Ли Сы.

Мальчик ехал на чужой спине, убаюканный лёгким жаром и слабостью. Когда староста объявил, что отныне он будет жить у Гоуданя, детское сердце сжалось от робкой радости и щемящей тревоги.

Прижавшись к широкой тёплой спине Ли Сы, А-Сюань впервые в жизни почувствовал, что такое настоящий покой.

«Я буду самым послушным, — беззвучно шептал он, засыпая. — Буду работать не покладая рук, чтобы дядя Ли и Гоудань ни разу не пожалели, что приютили меня. Я со всем справлюсь...»

С этими мыслями он и заснул.

Ли Сы из-за всей этой суматохи пропустил утреннюю смену, а на вторую половину дня и вовсе взял отгул — всё-таки дома теперь лежал больной ребёнок. Раз уж выдалось свободное время, он решил выдергать на огороде весь редис, обмыть его и разложить сушиться, чтобы завтра созвать соседей на засолку.

Пока он прикидывал в уме нехитрые дела, в ворота постучал староста. Следом за ним шёл помощник, тащивший на плечах мешок с причитающимся А-Сюаню пайком и ветхий узелок с его пожитками. Вещички, разумеется, оказались сущим тряпьем — ничего из приличной одежды или тёплых одеял у жадной родни отнять так и не удалось.

Ли Сы поглядел на сиротский паёк. На душе немного отлегло: скудных запасов должно было хватить, чтобы протянуть пару недель до общего распределения зерна. Староста задерживаться не стал — наскоро сверил с Ли Сы долговую запись в тетради и поспешил по делам, которых у него всегда хватало.

Гоудань со всей важностью взял на себя заботу о больном, пусть и выходило у него это по-детски неуклюже.

А-Сюань лишь тихонько шмыгал носом, утирая слёзы. Раньше, живя у дяди, он никогда не плакал от болезней. Порежет, бывало, палец до крови — сам полижет, засыплет серой золой из печи, вот и всё лечение.

А тут Гоудань крутится вокруг него, утешает, а дядя Ли приготовил горячую сладкую болтушку со взбитым яйцом. Радоваться бы надо, улыбаться, а из глаз ручьём бегут слёзы. И чем сильнее Гоудань пытался его успокоить, тем горше плакал приёмыш, содрогаясь от глухих, душивших его рыданий.

Глупый А-Сюань ещё не понимал: прежде плакать было без толку — никто бы не пожалел, только тумачь да зуботычин схлопочешь. А теперь, когда к нему проявили искреннюю теплоту и заботу, вся скопившаяся внутри обида вырвалась наружу, и сдержать её было уже невозможно.

Спустя пару дней А-Сюань уже всюю семенил за Гоуданем по двору, хотя голова его всё ещё была перемотана марлей.

Ли Сы осмотрел рану и рассудил, что через пару-тройку дней повязку можно будет снять — на детях всё заживает как на собаках.

Когда марлю наконец убрали, на виске показался чистый розовый шрам. Мальчик из кожи вон

лез, стараясь помочь по хозяйству: хватался за любую работу, лишь бы доказать свою полезность и не дать новому отцу повода прогнать его. За Гоуданем он ходил хвостиком, предугадывая каждое желание названного брата.

— Батя, мы с тобой кашеварим куда хуже А-Сюаня, — заявил как-то за ужином Гоудань. — Пусть он у нас теперь за главного повара будет!

— И то правда, — добродушно усмехнулся Ли Сы. — Эх, А-Сюань, жаль, что ты не девчонка. Подрос бы — взял бы тебя наш Гоудань в жёны, лучшей снохи и не сыскать!

А-Сюань от такой похвалы густо покраснел, но на душе стало тепло и радостно. Наконец-то он почувствовал себя нужным.

А Ли Сы вздохнул уже всерьёз. Сам он уродился неказистым да туговатым на ухо, жениться сподобился почти в тридцать лет, да и то взял в жёны немую.

Сам бестолковый, у Гоуданя матери нет, в доме шаром покати... С такой нищетой парню в будущем невесту найти будет ой как непросто.

«Неужто бобылём весь век прокукует?» — тоскливо думал Ли Сы, и сердце его заныло от отцовской заботы.

Впрочем, горевать долго не пришлось — пришла пора летней страды. Для деревни это было время великого напряжения сил: на поля выходили все от мала до велика, лишь бы ноги держали.

В семье Ли Сы взрослый работник был всего один, так что на его долю выпали самые тяжёлые труды. С утра до ночи он пропадал в поле, а возвращаясь, замертво валился на кан и храпел так, что стены дрожали. Мальчишкам, спавшим с ним бок о бок, богатырский храп отца ничуть не мешал — уставшие за день, они спали без задних ног, раскинув руки и ноги.

Детворе тоже доставалось. Хоть рабочих баллов им никто не начислял, они из последних сил помогали взрослым: собирали оброненные колоски, сторожили зерно на сушильном току. К концу страды оба обгорели на солнце и почернели, как угольки.

За полторы недели бешеной гонки люди потемнели с лица и высохли так, что остались одни кожа да кости. Ли Сы не мог разогнуть натруженную спину, и по вечерам Гоудань топтал ему поясницу маленькими пятками, чтобы хоть как-то облегчить боль. Городская образованная молодёжь, впервые попавшая на деревенскую жатву, выла белугой и проклинала всё на свете.

Борьба за урожай шла не на жизнь, а на смерть. Летняя погода обманчива: налетит внезапный грозовой ливень — и всё спелое зерно либо смоем, либо оно сгниет прямо в колосьях.

Когда страда наконец завершилась, половина деревни слегла с лихорадкой и переутомлением.

— Батя, мы с А-Сюанем гулять! — крикнул Гоудань, выбегая со двора.

Осунувшийся, похожий на обтянутый кожей скелет Ли Сы кивнул, не поднимая головы. Пока выдалась свободная минутка, он торопился сплести новые корзины из бамбуковых полос — скоро должны были выдавать зерно на трудодни, надо же в чём-то нести его домой.

Гоудань вооружился свежесплетённым лотком и старой щербатой мотыгой, а А-Сюань тащил деревянный таз, привязав к поясу плетёный садок. Мальчишки собирались на ручьи — ловить рыбу у запруды. Урожай с полей убрали, и в оросительных канавах да мелководных протоках осталось полно мелкой рыбёшки и речных креветок. Чем не знатное лакомство для голодного времени?

Дело это требовало сноровки: если ямка с водой попадалась небольшая, воду из неё просто вычёрпывали тазом, а если ручей был глубоким, его перегораживали комьями глины, делили на мелкие заводи и принимались медленно вычерпывать воду. Тут нужен был настоящий рыбацкий расчёт.

<http://bllate.org/book/19654/1960188>